

На правах рукописи

Яковлев Константин Константинович

1789-1871

А. С. ПУШКИН И Н. И. ГУРТЕНЕВ:
ИЗ ИСТОРИИ ИДЕЙНО-ТВОРЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Специальность 10.01.01 - русская литература

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ

КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Симферополь - 1994

Робота виконана на кафедрі російської та зарубіжної літератури
Симферопольського державного університету ім. М. В. Фрунзе.

Научні керівники

- доктор філологічних наук,
професор В. П. Машеряков.
- кандидат філологічних наук,
доцент Л. М. Борисова.

Офіційні опоненти

- доктор філологічних наук,
професор Т. П. Маєвська,
- кандидат філологічних наук,
доцент Н. К. Змірсуйнова

Ведуча організація

- Херсонський педагогічний
інститут

Захист состоится " " июня 1994 г. в часов на заседании
спеціалізованого Ради К. 058. 24. 09 по захисту дисертації на
соискание ученой степени кандидата філологічних наук при Днепро-
петровском державному університеті (320625, ГСП, Днепропетровск
пр. Гагарина, 72).

С дисертацією можна ознайомитися в бібліотеці Симферопольсько-
го державного університету (Симферополь, Ялтинська, 4).

Автореферат розослан 21 июня 1994 г.

Учений секретар спеціалізованого
Ради, кандидат філологічних наук

Т. В. Колесніченко

ЛНБ ім. В. Стефаніка
АН України

Есть известное противоречие в том, как воспринимается творчество Пушкина в целом и в деталях. С одной стороны, мы привиаем, что Пушкин это наиболее универсально развитый русский поэт-новатор, что в нем заключена вся предшествующая литература. С другой - в научных работах о Пушкине стало общим местом утверждение, что поэт в идейном отношении уступал современникам-декабристам и А. Н. Радищеву (1).

Возникло даже представление о полярности "небесного" и "земного" начал в личности Пушкина. В своих мемуарах И. Д. Якушкин и И. И. Пущин утверждали, что поэт не дорос до права быть принятым в тайное общество "Союз Благоденствия" (2).

Все ли нам известно о духовной жизни Пушкина в период 1817-1819 гг., который вызывает особенно противоречивые оценки? Наиболее полные сведения о нем мог бы дать друг и наставник Пушкина, один из руководителей "Союза Благоденствия" Н. И. Тургенев. С ним поэт в этот период общался особенно тесно и регулярно. Но позднейшие отзывы Тургенева о Пушкине носят тенденциозный и подчеркнута уничтожительный характер (3).

Поэтому полагаться в данном случае можно только на факты. Следствием идейного сотрудничества Пушкина и Тургенева считается замечательная ода "Вольность". Но можно ли считать ее единичным эпизодом участия Пушкина в идейной жизни тайного общества, если учесть, что дружба Тургенева и Пушкина была очень долгой и активной (до осени 1819 г.)?

В архиве Н. И. Тургенева сохранилось два варианта программы жур-

-
1. См.: Тсмашевский В. Пушкин. - Кн. 1 (1813-1824). - М.: Л., 1956. - С. 170, 160; Гроссман Л. Пушкин: ЖЗЛ. - М.: Л., 1962. - С. 133-134; Лахостский К. П. Лирика Пушкина. - Л., 1954. - С. 9; Кулешов В. И. Жизнь и творчество Пушкина. - Л., 1987. - С. 6; Тойбин И. М. Пушкин: Материалы к семинарию. - М., 1964. - С. 47.
 2. Якушкин И. Д. Записки. Статьи. Письма. - М., 1951. - С. 43; Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. - Красноярск, 1981. - С. 71.
 3. Истрин В. Из документов архива братьев Тургеневых // Журнал Министерства народного просвещения. - Ч. XIV. - Март 1913. - С. 18; Аникин А. В. Муза и маммона: Социально-экономические мотивы у Пушкина. - М.-М., 1989. - С. 72.

нала "Архив политических наук". Их механически приписали одному автору, они не были изучены. Но анализ формы и содержания этих документов доказывают, что они не просто отличны друг от друга, но и диаметрально противоположны. Второй документ содержит в себе все признаки пушкинского произведения (почерк, стиль, содержание). Н. И. Тургенев скрывал данный текст, поскольку Пушкин оказался его соперником в политике. Вопреки укоренившимся представлениям о полном тождестве взглядов Пушкина и лидеров тайного общества, он значительно опередил их в понимании исторического предназначения России в Европе.

Поэт преодолел ограниченность программы Тургенева, которая во главу угла ставила "просвещенный Запад" и была полна нигилизма по отношению к России, ее истории и культуре. Опираясь на традиции русской литературы и исторической науки Пушкин сумел с точностью научной формулы установить закономерность общественно-исторического развития, ее место "судьбы нелицеприятного" в политических конфликтах Европы (1).

Его произведение возникло на теоретической базе всей предшествующей русской литературы. Но, в первую очередь, содержание этого документа было предопределено одним, в то время почти неизвестным читателям, научным сочинением Карамзина: запиской "О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении" (2).

Выпадение такого важного звена из творчества Пушкина не позволяло в полной мере оценить его оригинальный вклад в развитие русской исторической теории. В дореволюционном пушкиноведении или вообще отрицалось право считать Пушкина философом и ученым (3), или же его историзм сводился к объективизму (4).

Подобные тенденции сохранились и в советском пушкиноведении. Н. Д. Степанов, Б. В. Томашевский, И. М. Тойбин ставили знак равенства между историзмом и художественным реализмом Пушкина, отрицали нали-

1 Тургенев Н. И. Дневники и письма: в 3-х т. - Т. 3. - Пгр., 1921. - С. 378.

2 Карамзин Н. М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // Литературная учеба. - № 4. - 1988. - С. 97-142.

3 См.: Жель и слово: Философский ежегодник. - М., 1917. - С. 26, 97.

4 Зягельгадт В. Историзм Пушкина. К вопросу о характеристике пушкинского объективизма // Пушкенист / Под ред. С. А. Венгерова. - Вып. II. Пгр., 1916.

чие у него собственно научного историзма (1).

В тех же работах, где отдавалось должное Пушкину-историку, тем не менее, его новаторство сводилось к пониманию им некоторых общих мест исторической науки (2).

Второй вариант программы журнала "Архив политических наук и российской словесности" позволяет сделать вывод, что у Пушкина были собственная оригинальная научная концепция истории России, которая отсутствовала в западноевропейской науке.

ЗАДАЧЕЙ диссертации является выявление самостоятельности политической платформы Пушкина, которая отнюдь не ограничивалась дублированием либерально-буржуазной доктрины М. И. Тургенева.

Пушкин и в политической теории стал выразителем национального самосознания, "эхом русского народа", а не одной привилегированной верхушки. Это, в частности, проявилось в его стремлении к политическому синтезу малосовместимых друг с другом идей буржуазного либерализма с революционно-демократическими идеями Радищева. Широтой и универсальностью своих политических взглядов он опередил свое поколение покoдание уже в самый первый момент сотрудничества с Н. И. Тургеневым.

НАУЧНАЯ НОВИЗНА работы состоит в том, что она позволяет более полно осветить социально-политические и исторические воззрения Пушкина в 1817-1819 гг., раскрыть смысл политических намерений в его любовной лирике этого времени, включить ее в общий контекст политической лирики и, таким образом, более точно и конкретно проследить процесс превращения Пушкина из ученика декабристов в самостоятельного политического мыслителя.

Автор диссертации предлагает свой метод создания концепции уча-

1 Степанов Н. Л. Исторические воззрения Пушкина. - Л., 1949; Томашевский В. В. Историзм Пушкина // Пушкин: Работы разных лет. - М., 1990. - С. 569-615; Тойбин И. М. Пушкин. Творчество 30-х годов и вопросы историзма. - Воронеж, 1976.

2 Предтеченский А. В. Исторические взгляды Пушкина // Очерки истории исторической науки в СССР. - Т. I. - М., 1955. - С. 304-310; Петров С. М. Проблема историзма в мировоззрении и творчестве Пушкина // А. С. Пушкин: Материалы юбилейных торжеств. - М.; Л., 1951. - С. 158-204; Исторический роман А. С. Пушкина. - М., 1952; Черепнин А. В. Исторические взгляды классиков русской литературы. - М., 1968; Малинин В. С. Пушкин как мыслитель. - Красноярск, 1990.

тия Пушкина в движении декабристов и его субъективного восприятия этой роли. Для этого нужно переосмыслить роль Н. И. Тургенева в истории тайных обществ. Его обычно характеризуют как одного из руководителей тайного общества "Союз Благоденствия". На самом же деле он был основоположником и наиболее авторитетным идеологом первых тайных обществ.

С другой стороны, требует тщательного анализа психология отношений Пушкина с Н. И. Тургеневым. Пушкин в первый период их знакомства был готов для Тургенева на полное самопожертвование. Именно поэтому он был вынужден следовать примеру своего старшего друга и наставника, который скрывал свою принадлежность к тайному обществу и утверждал, что он вступил в него только в конце 1819 года, хотя это не соответствует действительности.

В настоящей работе применен, прежде всего, метод НАУЧНОЙ ГИПОТЕЗЫ. Автор исходил из предположения, что Пушкин и в отношениях с декабристами проявил свои гениальные качества. Ведь его гражданское кредо, которое он изложил в статье "Опровержения на критики", требовало от него "быть впереди во всех набегах просвещения, на всех при-тупах образованности (1).

В итоге исследования дедуктивным способом было "вычислено" неизвестное произведение Пушкина, рукопись которого хранилась в архиве Н. И. Тургенева и оставалась незамеченной с 1905 г., когда этот архив поступил из-за рубежа в Российскую Академию наук.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ работы состоит в том, что она может быть использована при подготовке научной биографии Пушкина, дает возможность более полного изучения темы "Пушкин и декабристы" в целом. Она также расширяет представление о Пушкине - историке и издателе, о его месте в развитии общественно-политических наук в России. Материал диссертации может быть использован в спецкурсах и на спецсеминарах.

АПРОВАЦИЮ работа проходила на заседаниях кафедры русской и зарубежной литературы Симферопольского государственного университета, на республиканских Пушкинских чтениях (1992, 1993 гг.), в отделении русского языка и литературы Российской Академии наук, в Пушкинской комиссии г. Москвы и в журнале "Известия Академии наук России", где работа получила две положительные рецензии. По теме диссертации было осуществлено четыре публикации.

СТРУКТУРА РАБОТЫ. Диссертации состоит из "Введения", 2-х глав.

"Заключения" и "Приложения".

В первой главе - "Происхождение и сущность "формулы России" А. С. Пушкина" - освещена история возникновения "журнального общества" Н. И. Тургенева и роль в нем "воспитанников Лицея". Состав редакции позволяет сделать вывод, что Пушкин был в ней центральной фигурой, а отнюдь не рядовым исполнителем.

Сохранилось два варианта программы журнала "Архив политических наук и российской словесности". Появление второго является загадкой, поскольку его творческая история исключает возможность считать автором Н. И. Тургенева. Как свидетельствует запись в его дневнике от 25 января 1819 г., он действительно пытался доработать текст первоначального варианта, сознавая, что он "недостаточен и неправилен", но потерпел при этом полную неудачу. Тургенев был убежден, что Россия "при всей ее физической огромности" является страной политически и нравственно "ничтожной" (1). Между тем, автор второго варианта от начала и до конца проводил мысль о гигантской силе России и ее ключевой роли в политической жизни Европы.

Изучение программ выявило кричащие противоречия в них. Они оказались написанными разными почерками: первая педантически-аккуратным, мелким, а вторая - стремительным, "детским", крупным почерком, разительно похожим на почерк Пушкина.

Кроме того, на полях второго варианта есть реплики, сделанные чернилами и карандашом. Карандашные явно приглаголежали Тургеневу, и одна из них имеет иронический смысл по отношению к автору программы, который увидел добрый знак для России в даровании конституций для Финляндии и Польши. Тургенев осудил его нетерпеливость: "Погодите - дайте так попробовать. Что не хочешь себе, не делай другому. Новые римляне в 15 лет атеяли сделать, что древние веками" (2). Автор программы учел это замечание и тут же перечеркнул сомнительный с точки зрения его наставника абзац. Это доказывает, что над программой работали одновременно два человека, и Тургенев читал не свой, а чужой текст, внося в него поправки.

В стиле программ также нет ничего общего. В первом варианте стиль суховатый, канцелярски-деловой, а во втором - яркий, образный, эмоциональный. Причем ни один из многочисленных поэтических образов, типичных для второго варианта, не встречается в первом. Документы

1 Тургенев Н. И. Дневники и письма. - Т. 3. - С. 186.

2 Там же. - С. 378.

различны в мельчайших нюансах, что не могло бы иметь места, если бы у них был один автор. Во втором документе есть даже две типичные для Пушкина ошибки.

Наиболее одутимо полярность документов проявляется в их содержании. Прежде всего, они отличаются друг от друга научной методологией. Автор первого, Н. И. Тургенев, явно был воспитан в духе просветительской идеологии и во всей предшествующей истории видит засилье суеверия и невежества, хаос. Автор второго придерживается принципов исторического детерминизма. Он исследует процесс постепенного нравственного и политического "возрастания" России по отношению к Европе.

Первый вариант - целиком субъективен и декларативен. Второй - научен, так как он вырастает на почве обобщения произведений Геофана Прокоповича, М. В. Ломоносова, Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева, Н. М. Карамзина, К. Н. Батюшкова.

Особенно органично и всесторонне текст связан с одним малодоступным в то время читателям произведением Н. М. Карамзина: с запиской "О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении" (1881).

Известно, что Пушкин в "Воспоминаниях о Карамзине" осуждал молодых якобинцев за поверхностные оценки "Истории" Карамзина и сожалел, что "у нас никто не в состоянии исследовать огромное создание" ученого (1). Но сам Пушкин был исключением из правил. Он-то и оказался тем вдумчивым читателем, который совершил научный подвиг исследования исторических трудов Карамзина. Более того, он развил и обогатил теоретические открытия историка.

Его вариант программы исходит из истины, что Россия является изначально неотъемлемой частью Европы. Учитывая своеобразие исторического положения России как связующего звена между Европой и Азией, Карамзин разработал теорию "постепенного возрастания" России в ее отношениях с Европой. Он установил, что ее внешней политике было исторически присуще невмешательство в дела валадных соседей, что обеспечило ей положение "великодушной посредницы Европы" (2). Во втором варианте программы внешняя политика России характеризуется именно в этом ключе.

Содержание этого варианта позволяет более четко установить, что

1 Пушкин. Полн. собр. соч.: -Т. XII. -С. 305-306.

2 Карамзин Н. М. О древней и новой России. -С. 102, 100, 110.

имел в виду Пушкин под "формулой России", о необходимости создания которой он писал в конспекте первой главы "Истории поэзии" С. П. Шевырева (1). Томашевский и Тойбин считали, что Пушкин имел в виду свое высказывание об отсутствии в России феодализма (2). На самом же деле Пушкин имел в виду не открытые уже наукой законы, а опирался на поиски исторической школы Карамзина, новаторски осмысливая их, поскольку и у Карамзина эта "формула" еще только складывалась. Именно Пушкин дал ей точность и завершенность.

Все эти особенности второго варианта исключают возможность считать его автором Н. И. Тургенева, так в его последующем творчестве нет никакой связи с приписанным ему произведением. Наоборот, оно по своему содержанию несовместимо с ним.

Это не случайно. В автобиографической книге "Россия и русские" Н. И. Тургенев признается в своей давней неприязни к Карамзину и дает однозначно отрицательную оценку его записке "О древней и новой России". Из его заявлений ясно, что он не заметил и не оценил новаторские исторические идеи Карамзина, о которых с похвалой отзывался Пушкин в воспоминаниях об историке. Он осуждал патристизм Карамзина и называл само понятие "отечество" "абстракцией" (3). Следовательно, бедность исторического содержания в первом варианте программы вовсе не была просчетом автора, который он, якобы, затем устранил, а была следствием его убежденной гражданской позиции, которая оставалась неизменной на протяжении всей его деятельности.

Тургенев в своих произведениях в дальнейшем откровенно выступает как космополит. Он признается даже, что в конечном счете вообще решил "порвать всякую моральную связь с Россией" и "оставаться насколько возможно чуждым России и всему русскому". Такая метаморфоза автора была бы немислима, если бы у него была хоть капля живого чувства к России, которое переполняет второй вариант программы, эту замечательную поэму в прозе о России.

В дневниках Тургенева мы находим и открытое осуждение центральной мысли, якобы принадлежавшей ему программы (4).

1 Пушкин. Полн. собр. соч.: -Т. XII. -С. 65.

2. См.: Томашевский В. В. История Пушкина//Работы разных лет. -М., 1990. -С. 157; Тойбин И. М. Пушкин. Творчество 30-х годов и вопрос историзма. -Воронеж, 1976. -С. 48.

3 Тургенев Н. И. Россия и русские. -С. 300-301.

4 Тургенев Н. И. Дневники и письма. -Т. 3. -С. 216.

Примечательно также, что именно Пушкин был тем человеком, кто проявил редкостное гражданское мужество и первым открыл читателям России правду о существовании записки Карамзина, крайне критичной по отношению к династии Романовых.

Пушкин действительно не упустил ни одного новаторского явления в предшествующей литературе. Он свято чтит наследие Радищева и постоянно напоминал о нем своим друзьям. Но в не меньшей степени твердо он поддерживал гражданское мужество и научную принципиальность Карамзина. Он стремился помогать становлению всего, в чем проявлялся дух "благородства, независимости" русской литературы по отношению к правительству (1).

Тургенев не рискнул бы использовать записку Карамзина, поскольку она могла вызвать гнев Александра I. Тургенев обожествлял этого монарха, стремился не только завоевать его расположение, но и надеялся занять возле него место "второго Сперанского", который был его идеалом (2). Конфликт между Тургеневым и Пушкиным стал фактически продолжением и завершением давнего спора между Сперанским и Карамзиным, и в нем Тургенев и Пушкин неизбежно оказались антагонистами.

Вторая глава посвящена анализу отношений между Пушкиным и Н. И. Тургеневым. Их дружба привела к полному переосмотру поэтом своей позиции осенью 1817 года. Все прежнее творчество Пушкин посчитал незрелым, "юными забавами". Он полностью подчинил себя авторитету друга и принял его программу - вплоть до того, что стал смотреть на мир "его глазами". На реальность этого события указывает один из набросков послания к В. Ф. Раевскому: "Бывало, в сладком ослеплении...".

Анализ дневников Н. И. Тургенева 1807-1811 гг. убеждает, что именно этот человек стоял у истоков тайных обществ в России. Впервые мысль о необходимости их создания он изложил в записи от 21 октября 1810 года. Здесь сказано, что дворянская молодежь должна заняться просвещением страны и подготовить почву для отмены крепостного права, "для сего нужны соединения умных, верных граждан, покровительствуемых правительством" (3).

Придя к этому решению, Тургенев начал фанатично добиваться

1 Пушкин. Полн. собр. соч.: -Т. XIII. -С. 179.

2 Тургенев Н. И. Россия и русские. -С. 133-134.

3 Тургенев Н. И. Дневники и письма: В 3 т. -Т. 1. -Спб., 1911. -С. 279-280.

поставленной цели. В конце концов его попытки создать возле себя "кружок мудрых" вылились в создание первой тайной революционной организации: "Орден русских рыцарей". Формально ее основателем стал друг Тургенева - молодой генерал Орлов. Но весьма показательны, что сама идея подобной организации пришла в голову именно Тургеневу еще до знакомства с Орловым. Весной 1815 года он пришел к выводу, что было бы полезно породить организацию, подобную религиозному ордену трапльнеров, предшественников ордена масонов (1).

Тургенев в течение второй половины 1815 - начала 1816 гг. подготовил детальный план преобразования всей государственной системы России по образцу европейских буржуазных стран (2). Этот план и стал теоретической базой "Союза Благоденствия". Свои замыслы Тургенев в течение многих месяцев заносил в особую тетрадь, которую он называет "Зеленой книгой" (3). Точно также назывался и Устав "Союза Благоденствия".

Реформы Тургенева были рассчитаны на двадцать пять лет. Никита Муравьев сообщил следственной комиссии, что он даже предлагал написать в Уставе, что деятельность "Союза Благоденствия" должна быть ограничена этим сроком (4).

Характерно то, что в упрежденном отрывке "декабристской" главы "Евгения Онегина" Пушкин в изображении тайной сходимки революционеров отводит Тургеневу место вождя. Смелая молодежь выступает перед ним, а он молча слушает этих будущих "освободителей крестьян", мысленно их поощряет. Только он размышляет о судьбах России в целом, "одну Россию в мире вида".

Для такого высокого взгляда на друга у Пушкина были все основания. Он лучше, чем кто-либо другой из современников, знал мировоззрение и радикальные политические планы Тургенева, знал и саму историю их возникновения.

Содержание оды "Вольность" свидетельствует о том, что Тургенев познакомил Пушкина со своими сокровенными философскими идеями, которые окончательно оформились у него еще в январе-феврале 1813 года. Считая себя учеником просветителей, сыном благородного XVIII века,

1 Тургенев Н. И. Дневники и письма: В 3 т. - Т. 2. - СПб., 1912. - С. 291.

2. Там же. - С. 333-334.

3. Там же. - С. 301.

4. Восстание декабристов: Материалы по истории восстания декабристов/Под ред. М. В. Нечкиной. - Т. I. - М. - Л., 1925. - С. 311.

Тургенев приходит к выводу, что человечество сумеет извлечь уроки из "истории Наполеона", что и народы, и цари не повторят прежних ошибок и построят "адание" государства, которое будет "прочнее аданий прошедшего века и полезнее аданий нашего железного века". В связи с этим он призывает немногих избранных "взять на себя важный труд давать наставления царям и народам", обратиться для этого к современной истории и меньше беспокоить древность" (1). Именно эту философскую задачу мы и находим в оде "Вольность", в которой Михайловский замок выполняет еще и роль символа "адания" прошлого века.

Дневники Тургенева помогают найти ответ и на вопрос о том, кто был тем "возвышенным галлом", борцом с "тиранами мира", который стал примером для русского поэта. В качестве вероятного вдохновителя Пушкина называли имена разных французских поэтов: Руже де Лилля, Экушара Лебрена, Андре Шенье (2).

К сожалению, внимание исследователей не привлекла фигура французского трагика М.-Ж. Шенье, чье творчество было в центре внимания общества накануне и в первые годы Французской революции, несло в себе черты принципиально нового революционного искусства. М.-Ж. Шенье был автором знаменитой трагедии "Карл IX, или Урок королям". Многие современники увидели в ней приговор королевской власти. Шенье призвал сделать современный театр "еще более суровым, чем афинский" и изгнать из него любовную интригу как "ребячью кимэру". Кроме того, он был автором революционных гимнов, которые исполнялись для народа на площадях под музыку. Незадолго до встречи с Пушкиным Тургенев внимательно штудировал книгу М.-Ж. Шенье "Исторические картины французской революции с 1789 г." (3).

В дневниках Тургенева можно обнаружить многие новые ассоциации и детали оды "Вольность", которые были почерпнуты Пушкиным из бесед с Тургеньевым. В частности, у своего наставника поэт заимствовал не только либеральную политическую доктрину, но и саму идею сделать образ Михайловского замка политическим символом "дурно" построенного русского государства, которое следует превратить в новое "адание" (4). Не случайно в политической утопии друга Пушкина по "Зеленой лампе" А. Л. Ульицычева "Сон" Михайловский замок после революции в России ста-

1 Тургенев Н. И. Дневники и письма. - Т. 2. - С. 212, 215-216.

2 Томашевский В. Пушкин. - Кн. I (1818-1824). - С. 197-198.

3 Тургенев Н. И. Дневники и письма. - Т. 3. - С. 26.

4 Тургенев Н. И. Дневники и письма. - Т. 3. - С. 20.

новится "дворцом собрания представителей" (1).

Все это доказывает, что Пушкин был хорошо знаком не только с отдельными деталями политических взглядов Тургенева, но во всех тонкостях знал и его мировоззрение в целом. Он был до конца посвящен и в реформаторские замыслы Тургенева и усвоил их, как свои собственные.

Но было бы ошибочным полагать, что Пушкин не внес в оду ничего своего, что вся ее суть сводится только к изложению продиктованной ему Тургеневым готовой политической модели. На самом деле мы встречаем в оде такое сочетание буржуазно-либеральных и революционно-демократических идей, которое не было присуще ни одному историческому лицу. Здесь имел место политический синтез: в этом и проявилась народность Пушкина, его стремление с первых же контактов с декабристами не просто отображать мнение одной политической группы, а быть "эхом" народа в целом. Пушкин сразу же сделал попытку выйти за узкие рамки прозападных идей Тургенева, пытался придать им национальный характер, связать их с исторической традицией Радищева.

Это было целиком инициативой Пушкина, а не подсказкой ему его учителя. В автобиографической книге Тургенева "Россия и русские" нет ни слова о Радищеве. Своим главным учителем в политике Тургенев называет французского либерального публициста Бенжамена Константа (2).

Еще более очевидно несходство гражданских позиций Тургенева и Пушкина проявилось в оценке личности Александра I. Тургенев считал императора идеальной личностью: "одним из благороднейших людей мира", "коего дела" Тургенева "всегда в восторг приводили" (3). Он стремился насаждать среди своих друзей культ личности императора. Только с Александром I, с его либеральными обещаниями он связывал надежду на осуществление прогрессивных реформ в России.

Между тем, ода "Вольность" является пламенным памфлетом против Александра I. К сожалению, ее глубинный политический подтекст до сих пор еще не раскрыт до конца. В частности, не получила четкой оценки восьмая строфа оды, ключевая в произведении (4).

1 Томашевский Б. Пушкин. - Кн. I (1813-1824). - С. 232.

2 Тургенев Н. И. Россия и русские. - С. 60-61.

3 Тургенев Н. И. Дневники и письма. - Т. 2. - С. 332, 336.

4 См.: Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1813-1826). - С. 165; Еремин М. П. Пушкин-публицист. - М., 1966. - С. 70; Цыловский В. Заметки о прозе Пушкина. - М., 1936. - С. 16; Томашевский Б. Пушкин. - Кн. I (1813-1824). - С. 167.

По нашему мнению, есть достаточно оснований считать ее адресованной Александру I. Помимо явных намеков на его биографию, которые уже были установлены исследователями, автор работы приводит ряд новых доказательств справедливости гипотезы, впервые высказанной В. Плеховским. В частности, Пушкин демонстративно связывает единством характеристики "самовластительного злодея" с убийцами Павла I ("ужас мира, стыд природы", "о стыд, о ужас наших дней"). Это делает два, казалось бы, разных эпизода единым смысловым целым, как бы проливая свет на личность истинного вдохновителя преступления. Автор с негодованием обличает не поверженного деспота Наполеона (как доказывает ода "Наполеон", это, по убеждению Пушкина, было бы "повором"), а деспота торжествующего. Умалым стилистическим приемом он ставит его в один ряд с его предшественником. Нравственное содержание оды поднимает ее значительно выше примиряющей концовки.

Следовательно, у нас есть все основания считать, что не только тайное общество влияло на Пушкина, но в не меньшей степени и он на него. Он занимал по отношению к самодержавной власти более решительную и демократическую позицию, чем Тургенев.

Это дает ключ к пониманию дальнейшего развития политической лирики Пушкина. В ней все ярче и самобытнее проявлялась личность Пушкина-политика, его новаторство в этой сфере. Он постепенно преодолевал либерально-буржуазные иллюзии о возможности мирного сотрудничества с царем и уже через год его взгляды полностью изменились.

Творческие искания Пушкина проявились и в форме политической лирики. Жанр оды не привился в ней, он фактически отступил от предписаний декабристской эстетики. Его вольнолюбивые стихи все более приобретали эгерическую направленность, столь типичную для его лицейской лирики (1). Пушкин сумел сохранить преемственность в своем творческом развитии.

В поэзии Пушкина есть настолько точные цитаты из дневников Тургенева, что это исключает возможность считать его служение тайному обществу "Союзом Благодеяния" неосознанным. Несомненно, что его стихотворение "К Чаадаеву" (1818) возникло в атмосфере энтузиазма, которую вызвала в среде петербургской молодежи речь Александра I в польском сейме 15 марта 1818 г. Оно тоже было шагом вперед в политическом становлении Пушкина.

Стихотворение проникнуто страстным желанием немедленного перехода в России к конституционному строю. Но по плану Тургенева он должен был состояться после двадцати лет подготовительных реформ, при обязательном условии отмены крепостного права самим монархом, без всякого участия в реформах народа (1). В записке "Нечто о крепостном состоянии России", переданной Тургеневым Александру I в январе 1820 года, он утверждал, что "грешно помышлять о политической свободе там, где миллионы не знают даже и свободы естественной" (2).

Стремление Пушкина к универсальному познанию современности, рост у него революционных настроений проявились и в знакомстве и тесной дружбе с поэтом П. А. Катениным, представителем враждебному "Арсамасу" литературного и политического лагеря. Почвой для сближения послужили не столько литературные, сколько политические интересы. Катенин активное участие в работе ранних дворянских революционных организаций и занимал радикальные позиции, выступая за свержение Александра I.

Страстное стремление Пушкина к свободе, "звезде пленительного счастья", достигло кульминации осенью 1818 года. Он вступил в конфликт с Карамзиным, бескомпромиссно отстаивая необходимость ограничения самодержавной власти и опровергая "парадоксы" Карамзина, "республиканца в душе", но сторонника самодержавной формы правления для особых условий России. Он пошел даже на разрыв с ним, хотя Карамзин долгое время был для него любимым учителем и покровителем.

Именно осенью 1818 года в творчестве Пушкина сложился тот образ титанического героя, для которого служение Свободе стало высшим смыслом жизни. Он раскрыл черты этого могучего, хотя и разочарованного героя, в поэме "Кавказский пленник". Пленник фанатично служит "идолу" Свободы.

С учетом цельности содержания поэзии Пушкина этого времени следует рассматривать и стихотворение "Н. Я. Пясковой", посвященное императрице Елизавете Алексеевне. Оно явно выходит за рамки приличного мадригала и несет в себе политический подтекст. Автор прославляет императрицу за "на троне добродетель с ее приветливой красой". Тем самым здесь возникает контраст с одой "Вольность", в которой автор осуждал "порок на троне" - Александра I. Сквозящее в стихотворении желание видеть императрицу правительницей со ссылкой на волю всего

1 Тургенев Н. И. Дневники и письма. - Т. 2. - С. 334.

2 Тургенев Н. И. Дневники и письма. - Т. 2. - С. 416.

русского народа позволяет сделать вывод, что Пушкин в это время пришел к мысли о возможности дворцового переворота в пользу Елизаветы Алексеевны. Поскольку никто из членов тайного общества подобных соображений не высказывал, остается признать, что мажущий немедленного перехода к конституционному строю Пушкин проявил новаторство в области революционной стратегии и тактики.

Вопреки мнению, что Пушкин в стихотворении "Н. Я. Пшксовой" добросовестно выполнял установки руководителей "Союза благоденствия", у которых, якобы, существовал план возведения на трон Елизаветы Алексеевны (1), это предположение не подтверждается фактами. На самом деле на заседании Коренной думы "Союза Благоденствия" в январе 1820 года предложение Ф. Н. Глинки заменить Александра I Елизаветой Алексеевной было единодушно отвергнуто, причем не стал настаивать на нем сам Глинка (2).

Примечательно также, что в стихотворении "Н. Я. Пшксовой" Пушкин выступал не от имени тайного общества, не выполнял чужой социальный заказ, а повиновался своему собственному пророческому ясновидению: "вдохновленный Аполлоном, Елисавету втайне пел". Он впервые почувствовал себя в это время выразителем мнения не одной какой-либо социальной группы, а "эком русского народа".

Это превращение Пушкина в голос всей русской нации было подготовлено его активным интеллектуальным развитием и участием в теоретической деятельности лидеров "Союза Благоденствия". Стихотворение было написано непосредственно вслед за созданием Пушкиным второго варианта программы политического журнала, в которой мощно проявилась характерная для Пушкина особенность: стремление к политическому синтезу, историзму и народности. В отличие от Тургенева, который выражал чисто личное мнение, Пушкин сумел постичь историческую закономерность тысячелетнего развития России и выразить ее в объективной научной истине.

Его политическая проза очень выразительно дополняет его поэзию. Говорящие в Пушкине качества философа и политика шло в неразрывном единстве с развитием его поэтического таланта. Создание программы журнала "Архив политических наук и российской словесности" является рубежом в духовном развитии Пушкина, после которого он становится са-

1 Томашевский В. В. Комментарий к стихотворению "Н. Я. Пшксовой" // Пушкин. Соч. - М., 1937, - С. 865.

2 См.: Восстание декабристов. - Т. I. - С. 317.

мостоятельным политическим мыслителем.

В "Ваклччении" автор диссертации возвращается к начальному периоду творчества молодого Пушкина и проследивает его неустанную работу над собой. Сложившееся представление о том, что в напряженной интеллектуальной жизни Пушкина был единственный передыш, единственное белое пятно в годы его петербургской молодости, неправомерно. Пушкин духовно рос и в тот период, когда он, по мнению некоторых его друзей, целиком погрузился в светскую жизнь и поиск развлечений.

Это не было замечено именно потому, что Пушкин был вынужден сделать тайной свои постоянные и очень плодотворные для него встречи с Н. И. Тургеневым, выдающимся в декабристской среде человеком по уровню своей образованности. Кульминацией их дружбы и сотрудничества стала программа политического журнала. Отзвук научных занятий Пушкина во время работы над ней есть в стихотворении "Деревня": "Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!" и т. д. Историзм становится с этого момента путеводной звездой в творчестве Пушкина. Именно это качество отличает поэта от суетной толпы, для которой не только "смешон глас сердца благородный", но и "напрашен опыт вековой".

Пушкин сыграл исключительно важную и еще не оцененную в полной мере роль в духовной жизни "Союза Благоденствия". Его поэзия способствовала преодолению либеральных иллюзий о возможности компромисса с царем и реформ сверху. Превращение дворянского революционера в демократа шло не эволюционным путем, а путем столкновения революционно-демократических тенденций, которые уже зародились и существовали в России, и либерально-буржуазных, заимствованных деятелями тайного общества из французской либеральной публицистики.

Пушкин был единственным человеком в то время, который взял на себя нелегкую и благородную миссию пропаганды духовного наследия Радищева. В этом состоял "важнейший момент его историко-литературной позиции" (1), который отсутствует у декабристов. Влияние Радищева на декабристов шло не прямо, а опосредованно - через Пушкина. Ода "Вольность" потому и оставалась два года безвестной читателям и не использовалась Н. И. Тургеневым, что она в некоторых деталях содержания не отвечала его убеждениям, типичному для него культу личности Александра I. Именно в оценке императорской власти Пушкин опережал своих учителей, вдохновляясь историческими традициями творчества Ра-

1 Берков П. Н. Пушкинская концепция истории русской литературы XVIII века // Пушкин: Исследования и материалы. - Т. I. - Л., 1962. - С. 87.

дיתהва.

Декабристы, выступая с позиций "западничества", полагали, что Россия должна копировать политические институты "просвещенного Запада". Пушкин же считал, что у России есть собственное историческое предназначение и что она занимает ведущее место в политической жизни Европы.

Безусловно, Пушкин горячо ратовал за сближение России и Европы. Он активно интересовался европейским просвещением и особое внимание уделял изучению "наук политических".

Он энергично включился в подготовку первого в России политического журнала, создав подлинно научную программу его деятельности. Он шире, чем Тургенев, понимал его задачи: видел их не только в распространении европейского просвещения и новейших систем политэкономии, но и в ознакомлении европейцев с истинным национальным лицом России - молодой и динамично растущей страны. Для этой цели он и стремился сплотить вокруг журнала литераторов разных политических убеждений, стремился избежать сектанства.

По теме диссертации опубликованы следующие материалы:

1. Неувядаемая роза // Крымские каникулы Краеведческий сборник. - Симферополь, 1981. - С. 331-340.
2. А. С. Пушкин и Н. И. Тургенев // II Пушкинские чтения. Керчь, 22-26 сентября 1992 г.: Материалы. - Симферополь, 1992. - С. 70-71.
3. Пушкин и записка Н. М. Карамзина "О древней и новой России" // Русская культура и Восток. Третьи пушкинские чтения. Бахчисарай, 13-19 сентября 1993 г.: Материалы. - Симферополь, 1993. - С. 21.
4. Программа журнала "Архив политических наук и российской словесности". - Книжное обозрение ^{№ 21} - 1993. - С. 8-9.

Ab 30.122

Ab 30.122

457325

AB 30.165